

ОБЩЕЕ ДѢЛО

1917 г.

Подписная плата: для иногороднихъ 1 р., а для городскихъ 70 к. въ мѣсяцъ.
При выпискѣ для крестьянъ, солдатъ и рабочихъ устанавливается скидка въ 50%, такая же скидка дѣлается для сельскихъ библиотекъ и просвѣдительныхъ учреждений при выпискѣ любого количества экземпляровъ.
Плата за объявленія: въ 1/2 страницы 25 р., въ 1 стр. 15 руб. и въ 1/4—10 руб. за одинъ разъ; при повторныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка. Предложеніе труда безплатно.

Адресъ Редакціи и Конторы: г. Макарьевъ на Унжѣ, Уѣздная Земская Управа.
Пріемъ по дѣламъ Редакціи съ 10 час. утра до 3 по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

№ 7. Воскресенье.

МАКАРЬЕВЪ, на Унжѣ.

27-го августа.

Тоже дезертирство.

Во время нашихъ неудачъ на фронтѣ, здѣсь въ глубокомъ тылу то и дѣло слышались возмущенные возгласы по адресу товарищей солдатъ, переносившихъ четвертый годъ ужасы окопной жизни. Порицаютъ не только одни кулаки мѣрѣды (большинство которыхъ окопалось въ тылу), неграмотные старики, да старухи и вообще темные элементы деревни. Нѣтъ, съ жаромъ порицаютъ люди интеллигентные, представители культуры въ нашей глухой деревнѣ. Вотъ этимъ то интеллигентнымъ людямъ и хочется сказать нѣсколько словъ на страницахъ нашей газеты, призывающей насъ къ гражданскому дѣлу, къ работѣ на общую пользу, къ пробужденію отъ сна, въ который мы были погружены въ царствованіе Николая послѣдняго. Въ нашемъ уѣзд-

номъ городѣ замѣтно бѣшеніе политическаго пульса: съ организовались съезды трудовой, учительскій, земскихъ служащихъ. Происходятъ митинги, устраиваются чтенія, лекціи, разгорается страстная предвыборная кампанія, а въ уѣздѣ, не только въ глухихъ уголкахъ, а и въ нѣкоторыхъ довольно бойкихъ центрахъ попрежнему „вѣковая тишина“. Тамъ выбрали въ различные комитеты, а затѣмъ махнули на все рукой, есть Временное Правительство, есть комитеты, а до остального намъ дѣла нѣтъ. Каждый попрежнему замкнулся въ свою скорлупу, въ свои домашніе дѣла, въ сѣренькую канитель Чеховскихъ будней. Какъ будто и не было Великой Революціи съ ея высокими, святыми лозунгами, съ ея великими надеждами, незабываемымъ подъемомъ первыхъ дней, съ широкими горизонтами, открытыми ею передъ всѣмъ мыслящимъ человечествомъ. Попрежнему каждый исполняетъ только-

свои непосредственныя обязанности, живетъ отъ двадцатаго до двадцатаго. Ворчатъ на разруху, дороговизну, на невѣжественныхъ мужиковъ, на дерзкихъ солдатъ. А гдѣ причины невѣжества, распушенности, хулиганства и еще кой-какихъ некрасивыхъ явленій послѣдняго времени? Въ этомъ большинство интеллигенціи не хочетъ разбираться и находится даже личности, которыя подобно „именитымъ“ купцамъ и спекулянтамъ деревни, обвиняютъ во всемъ Правительство и Совѣты, которые де слишкомъ много дали воли. А всего больше достается социалистамъ, которыхъ избораютъ виновниками всѣхъ золъ нашего времени. Вздыхаютъ о крѣпкой власти, о баринѣ, который въ лицѣ различныхъ комитетовъ, все устроитъ только бы намъ самимъ не бороться, не работать надъ своимъ самообразованіемъ и надъ политическимъ просвѣщеніемъ крестьянскихъ массъ. Въ деревни находится

НОЧНЫЯ ТАЙНЫ.

(Изъ боевой жизни).

Тихо и по весеннему тепло. Весенняя свѣжесть наступающаго вечера ободряюще дѣйствуетъ на притупившіяся въ окопныхъ сидѣніяхъ нервы и вливаетъ въ душу что то ободряющее, ласковое, свѣтаое.

Вмѣстѣ съ звонкими ручейками, сбѣгавшими съ сосѣднихъ холмовъ въ огромныя равнины Полѣсья, стала день ото дня замѣтно развиваться и лѣсная жизнь этого дикаго края: ворковали дикіе голуби и тетерева; уныло и рѣзко выкрикивали какуюто то высокую, невѣрную ноту журавли и цапли, надъ озеромъ, у воды, устало махали крыльями дикія чайки и кигицы; шумно проносились стайки дикихъ утокъ. Это неугомонное и крикливое царство пернатыхъ на своемъ птичьемъ языкѣ привѣтствовало шествующую дорогую гостью-весну, щедро осыпающую дарами любви и счастья все живущее. Подъ ея нѣжнымъ и теплымъ дыханіемъ первымъ развернулъ свои блѣдно-синіе лепестки пріотившійся межъ корявыхъ стволовъ вѣчно угрюмой непривѣтливой сосны—подсѣжничекъ; внизу, въ тепловатой отъ дневныхъ лучей солнца водѣ, показалъ свою желтую головку листикъ, а тамъ на холмѣ стали показываться, среди опавшихъ прошлогоднихъ листьевъ, тюльпанныя головки молочая. На гребешкахъ кочекъ и верхахъ небольшихъ холмовъ, съ усиленіемъ пробивая себѣ дорогу среди омертвѣвшей прошлогодней травы, появился первый изумрудный покровъ молодой лѣсной травки...

На вершинѣ холма, поросшаго свѣжимъ, смолистымъ соснякомъ и частыми кустами вереска, нашель себѣ пріютъ нашъ секретъ изъ трехъ человекъ рядовыхъ Н-скаго полка. Осторожно высматривая изъ-за корявыхъ кустовъ вереска и раскидистыхъ молодыхъ сосенъ, дозоръ пылливо оглядывалъ растлавленную передъ ихъ глазами низину, теперь почти сплошь покрытую набѣжавшею съ сосѣднихъ холмовъ весеннею водою.

Тамъ, вдали, подернутый вечернею мглою, едва замѣтной темной лентой высился лѣсъ,

расходившійся зубчатою стѣною далеко за болото. Эта на видъ мирная плоска лѣса, выдѣлявшаяся темнымъ пятномъ на фонѣ розоваго заката, таила въ своихъ сырыхъ нѣдрахъ вражью силу и достаточно было одного небосторожнаго движенія, какъ изъ ея темной зелени, съ неприятнымъ визгомъ разсѣвая воздухъ, прилеталъ чудовищный снарядъ, и оглушительно разорвавшись на сотни мелкихъ частей, надолго заставлялъ замолчать суетливый весенній гамонъ пернатого царства въ отблескѣ вечерней зари. Иногда въ отдаленіи слышился короткий сухой трескъ, и въ ту же минуту съ монотоннымъ жужжаніемъ на зтошь, зеленѣющей первымъ весеннимъ покровомъ, холмъ приносила съ неприятельскаго шальная пуля и съ еле уловимымъ глухимъ звукомъ зарывалась въ сырую землю.

Казалось, что въ такой весенній вечеръ, располагающій къ чистой и высокой любви и полному счастью, какой то злой геній послалъ свой дьявольскій подарокъ, предъ которымъ все затихало и боязливо выжидало. Однако потребность счастья и любви среди природы была такъ велика, что чрезъ нѣсколько минутъ уже слышался сначала одиночный, а потомъ и общій призывъ къ ласкѣ и любви. И скоро снова все огромное болотное пространство наполнялось весеннимъ шорохомъ, сливающимся въ одинъ весенній дивный аккордъ жизни, свѣта и счастья.

Незначительная группа солдатъ, удачно выбравъ мѣсто для наблюденія на вершинѣ холма, сосредоточенно смотрѣла вдаль, въ то же время чутко прислушиваясь къ каждому подозрительному шороху, изрѣдка перекидываясь отрывочными замѣчаніями. Лишь одинъ изъ нихъ, казалось, совсѣмъ не раздѣлялъ тревожнаго вниманія товарищей. Заложивъ корявыя руки подъ голову, онъ лежалъ на спинѣ, и почти не мигая, расширеннымъ взглядомъ глядѣлъ вверхъ на темно-синее небо. На огромномъ небесномъ сводѣ одна за одной зажигались звѣзды, и таинственно мерцаая, казалось, манили къ себѣ.

Тонкій, блѣдноватый, серпъ луны какъ то неуверенно смотрѣлъ на землю, будто стыдясь своего положенія среди таинственно мерцавшей и какъ будто звавшей нестройной толпы звѣздъ. Иногда взгляды солдата останавливались на болотной птицѣ, распростершей прямая крылья въ весеннемъ свѣжемъ воздухѣ на фонѣ розоваго заката, и тогда какая то мягкая, добрая улыбка раздвигала его исхудалая, покрытая густымъ загаромъ, щеки.

И какъ разумно все сотворено на божьей свѣтѣ!—вполголоса проговорилъ онъ, не обращаясь, повидимому ни къ кому изъ присутствующихъ. И по его овальному лицу, съ большими голубыми глазами и первымъ мягкамъ пухомъ на щекахъ, пробѣлала тихая, радостная улыбка.

— Ну, ты, дурья голова, пошелъ разлагольствоваться, словно старая баба на печкѣ! Смотри, нѣмецъ выковыряетъ твои буркалы то, тогда не посмотришь на небушко, да не поплѣешь въ потолокъ. На вотъ возьми бинокль, да посматривай лучше нѣмца. А то у меня что то стало въ глазахъ двоиться!—грубо прервалъ мечтательнаго солдата другой и также грубо ткнулъ биноклемъ въ грудь лежавшему.

Послѣдній неторопливо всталъ, взялъ бинокль и началъ внимательно переводить вооруженный стекломъ взоръ съ каждой опушки на опушку и съ кочки на кочку. Но весеннія сумерки все болѣе и болѣе сгущались, отъ каждой кочки и опушки съ лѣвой стороны падали тѣни, совершенно измѣняя приглядѣвшуюся дозору картину. Сильно увеличивающее дальніе предметы стекло теперь почти отказывалось нести дальнѣйшую свою дозорную службу и приходилось до крайности напрягать слухъ, чтобы отличить подозрительные звуки отъ массы ночныхъ звуковъ, несшихся изъ растлающагося передъ глазами болота.

До сего времени пылливо обводившій вооруженнымъ взоромъ окрестности, солдатъ опустилъ руку съ биноклемъ и также не обращаясь ни къ кому проговорилъ:

ПЕТРОГРАДЪ, 22-го августа. По поводу сообщения из ставки верховнаго главнокомандующаго объ обстрѣлѣ нѣмецкимъ флотомъ рижскаго побережья наше адмиралтейство имѣло въ теченіе часа переговоры по прямому проводу съ командующимъ балтійскимъ флотомъ.

По свѣдѣніямъ адмиралтейства, германскій флотъ не обстрѣливалъ рижскаго побережья. Въ Рижскій заливъ вошли только германскія подводныя лодки, которыя вступили въ бой съ англійскимъ вооруженнымъ торговымъ пароходомъ. Пароходъ открылъ стрѣльбу изъ 37 миллиметровой пушки. Въ результатѣ стрѣльбы подводная лодка скрылась подъ водой. На пароходѣ двое ранены.

ПЕТРОГРАДЪ, 21-го августа. Начальникъ генеральнаго штаба генералъ Романовскій заявилъ представителямъ печати, что крайне тяжелое положеніе, создавшееся на рижскомъ фронтѣ, все же не создаетъ опасности Петрограду, ибо германцы, вследствие близости осенней распутицы и отдаленности разстоянія, не смогутъ добраться до столицы.

Опасность Петрограду была бы болѣе серьезной, если бы нѣмцамъ удалось произвести десантъ, но это почти невозможно вследствие условій времени года, а также общей сложности операціи.

ПО РОССИИ

Золотая рыбка.

По поводу множества разнообразныхъ требованій, предъявляемыхъ нынѣ къ государству отдельными слоями и группами населенія, раздаются уже предостерегающіе голоса. Между прочимъ въ „Нижегор. Зем. газетѣ“, г. Вл. Южаковъ говоритъ:

Пріѣзжіе изъ Москвы передютъ, что тамъ недавно на памятникѣ поэта Пушкина развѣвался флагъ съ надписью: „помните мою сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ“. Флагъ этотъ былъ скоро снятъ, очевидно, какой-нибудь строптивой „старухой“, находящейся еще въ упоеніи властью и нежелающей слушать и

вспоминать неприятныхъ сказокъ о разбитомъ старомъ корытѣ.

Но снять флагъ, конечно, совершенно напрасно. Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ имѣетъ большое отношеніе къ настоящему времени, и кой-кому вспомнить ее не мѣшаетъ.

„Золотая воля“—нашихъ дней—развѣ это не та же „Золотая рыбка“, которая будетъ исполнять ваши требованія къ ней лишь до поры, до времени, а если мы захотимъ, чтобы свобода пела выгоды каждому изъ насъ и всеѣмъ намъ служила на наше личное дѣло, а не на благо Россіи,—то вѣдь эта „Золотая воля“, подобно „Золотой рыбкѣ“, можетъ лишь хвостикомъ мелькнуть, и опять мы будемъ сидѣть съ разбитымъ корытомъ у снѣга моря, жалкіе, одинокіе, злые на неповиннаго старика Нѣтъ, эта умная сказка нашего великаго поэта какъ будто намѣренно составлена Пушкинымъ для нашихъ дней...

Взрослые и дѣти, не забываютъ сказку „о рыбацкѣ и золотой рыбкѣ“!...

Высказаться болѣе опредѣленно авторъ не рѣшается, ибо хотя у насъ и свобода печати, но мы все еще о многомъ вынуждены говорить правду въ сказкахъ и между строкъ.

У каждаго дня своя „злота“, и на каждое правдивое слово довольно своеобразныхъ „доносчиковъ“ и въ наши великіе дни.

Вотъ это то обстоятельство наводитъ на грустные размысленія о томъ, что требовать то своихъ правъ мы готовы, а уважать права другихъ еще не научились и, слѣдовательно, еще не мудрено намъ вернуться и къ разбитому корыту.

Пожаръ въ Казани.

КАЗАНЬ, 17. VIII. Пожаръ города продолжался три дня.

Долго горѣли нефтяные баки. Отдѣльные взрывы продолжаютъ до сихъ поръ. Новыя уцѣлѣвшіе мастерскія залиты водой, прежніе зданія уничтожены. Спиртовыя цистерны уцѣлѣли. Число погибшихъ на заводахъ и въ окрестныхъ слободахъ велико. Однако, точный подсчетъ не произведенъ.

Городская дума принимаетъ экстренныя мѣры помощи пострадавшимъ. До сихъ поръ многіе изъ бѣжавшихъ изъ города не вернулись.

Около мѣхнатой, раскидистой ели возились надъ чѣмъ то пять неприятельскихъ солдатъ. Ихъ лакированные каски поблескивали подъ лучами высоко поднявшейся луны, а аккуратно поставленныя въ козлы ружья говорили, что это были нѣмецкіе солдаты. Судя по тому, какъ они торопливо дѣлали какія то движенія,—зачерпывали воду, рвали тряпки,—можно было безошибочно угадать, что они возятся у тяжело раненаго товарища, повидимому чувствуя себя въ сравнительной безопасности.

Въ умѣ Гущина моментально созрѣлъ планъ нападенія на этотъ неприятельскій отрядъ, видимо развѣдочный. Первою его мыслью было отрѣзать имъ путь къ сложенному въ пирамиду ружьямъ, чѣмъ огрндить себя отъ явно перевѣшивающей силы. Съ этой цѣлью онъ тихо поползъ внизъ по оврагу, осторожно минуя все, что могло вызвать шорохъ и трескъ. Временами онъ останавливался и какъ то по дѣтски прикладывалъ руки къ груди, точно стараясь этимъ заглушить усиленно бившееся сердце... Вотъ еще нѣсколько поворотовъ у кустовъ и его отдѣляло отъ неприятельскихъ воиновъ всего лишь нѣсколько шаговъ...

Собравъ все силы и широко перекрестившись и прошептавъ нѣсколько безсвязныхъ словъ молитвы „Заступницѣ“, онъ выпрямился во весь ростъ, сжалъ крѣпко въ рукахъ винтовку, во все горло крикнулъ „ура“, и въ нѣсколько прыжковъ очутился у группы растерявшихся отъ неожиданности неприятельскихъ солдатъ.

Первымъ же, страшнымъ по силѣ, ударомъ онъ свалилъ тучнаго неприятельскаго воина, вонзивъ ему въ бокъ граненую сталь штыка, а вторымъ ударомъ онъ пригвоздилъ къ землѣ наклонившагося за валявшейся на землѣ русской винтовкой второго неприятельскаго солдата. Остальные трое бросились къ болоту, очевидно полагая, что на нихъ напалъ цѣлый развѣдочный отрядъ,—но мѣтко пущенная Гущинымъ пуля заставила грузно опуститься въ воду межъ кочекъ третьяго солдата.

О причинѣ пожара ходитъ множество слуховъ. Преобладаютъ предположенія о наличіи злого умысла. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ призываетъ всехъ очевидцевъ помочь слѣдствію.

Городъ охраняется юнкерами въ виду ненадежности солдатъ. Среди послѣднихъ наблюдается недовольство военнымъ положеніемъ.

Замѣчено, что среди солдатъ пожаръ города вызвалъ злорадство. Въ началѣ пожара солдаты бѣжали изъ города.

На почвѣ агитаціи противъ Корнилова и возобновленія смертной казни, а за послѣдніе дни противъ введенія военнаго положенія въ войсковыхъ частяхъ идетъ броженіе.

Нѣкоторыя очевидцы говорятъ, что катастрофа началась не взрывомъ, а пламенемъ, но это заявленіе не проверено.

Отмѣчается поразительный фактъ: въ морѣ огня уцѣлѣли деревянные сараи. Во время пожара наблюдалось много случаевъ мародерства даже на территоріи завода. Въ ближайшихъ къ мѣсту катастрофы заводахъ задержано много грабителей.

Кромѣ начальника завода, погибшаго геройской смертью при спасеніи новыхъ зданій завода, тяжело пострадалъ чиновникъ завода Егоровъ, которому оторвало ноги.

СИБИРСКЪ, 17. VIII. Здѣсь получены дополнителныя свѣдѣнія о катастрофѣ въ Казани.

14-го, около половины третьяго дня, раздался сильный взрывъ, причины котораго не выяснены. Вскорѣ загорѣлись близъ мѣста взрыва склады. Здѣсь взрывы приняли угрожающій характеръ вследствие близлежащаго завода. Вскорѣ начался пожаръ на заводѣ, гдѣ загорѣлись баки съ нефтью.

Кто могъ, спасался; бѣжали съ территоріи завода и изъ ближайшихъ окрестностей. О тушеніи пожара нельзя было и думать.

Взрывы были страшные; послѣдній взрывъ произошелъ вечеромъ, въ 7 часовъ.

Уцѣлѣли новыя постройки заводовъ, склады и цистерны со спиртомъ. Большинство старыхъ построекъ сгорѣло.

Убытки громадны и пока не приведены въ извѣстность.

Алафузовскіе фабрики и заводы не сгорѣли, хотя и было сообщеніе, что они сгорѣли.

ли все крѣпче и крѣпче смыкаться, а изъ простуженной груди началъ вырываться легкій храпъ съ тихимъ свистомъ... Но вдругъ ухо его условило чьи то осторожные шаги и шелестъ сухой травы съ тихимъ похрустываніемъ опавшихъ прошлогоднихъ вѣтокъ. Вотъ шаги какъ будто замерли, но чрезъ минуту снова повторились...

Гущинъ отчаяннымъ усилиемъ стряхнулъ съ себя остатки сна, быстро схватилъ ружье на перевѣсь, попутно осмотрѣвъ затворъ и крѣпко сжалъ холодный стволъ винтовки въ корявыхъ, давно не мытыхъ, рукахъ, въ то же время съ усиленно бьющимся сердцемъ прислушиваясь то къ затихавшему, то снова нешешему откуда то снизу холма шороху. Ему даже послышался грухой и точно сдавленный крикъ и какая то возня, но скоро снова все стихло, только жалобно кричали болотные кулики и ухала гдѣ то выпь. Но его исхудалому тѣлу межъ плечъ пробѣжала какая то нервная дрожь, но онъ, помня отвѣтственность передоваго секрета, тихими кошачьими шагами направился къ холму внизъ, стараясь держаться тѣневой стороны.

Осторожно пробираясь межъ цѣпкихъ кустовъ вереска и корявыхъ осеней, Гущинъ достигъ небольшого обрыва, откуда ему было хорошо видно самый край болота и подножіе холма. Глазамъ его представилось страшное зрѣлище, отъ котораго усиленно забилось въ груди сердце и зашевелились его стриженные блѣсоватыя волосы.

Близъ большого куста вереска, широко раскинувъ руки, безъ движенія лежалъ Федяевъ съ зіяющей раной на вискѣ, а вблизи его, слабо шевеля скрюченными пальцами рукъ, въ какомъ то страшномъ положеніи, головою въ сторону отъ тѣла, раскинулся, такъ безъ церемонно обращавшійся съ Гущинымъ, взводный—Кузмичевъ. Около нихъ были разбросаны винтовки, странно поблескивая остриемъ штыка,—одна изъ нихъ, повидимому, была сломана, поскольку можно было заключить изъ этого, что стволъ ея былъ отдѣленъ отъ ложа и валялся далеко одинъ отъ другаго.

Гущинъ продолжалъ посылать пулю за пулей въ остальные тѣни колышущихся въ полумракѣ весенней ночи убѣгающихъ неприятельскихъ солдатъ но, направленные метильной рукой пули догоняли ихъ въ вязкомъ болотѣ и полное ночной жизни Полѣзское болото становилось мѣстомъ ихъ вѣчнаго упокоенія.

Выпустивъ весь зарядъ, Гущинъ остановился и внимательно осмотрѣвъ достигнутые результаты. Но въ то время, когда онъ наклонился надъ распростертымъ на землѣ воиномъ, гдѣ то вблизи прозвучалъ одиночный выстрѣлъ и въ тоже время правую половину груди что то обожгло, точно въ нее направили горячую струю. Живно обернувшись, онъ увидѣлъ подъ корявымъ стволомъ поблескивающій въ поблѣднѣвшихъ лучахъ луны неуверенно направленный въ него стволъ неприятельской винтовки. Гущинъ быстро отскочилъ въ сторону и новая пуля просвѣтѣла надъ его ухомъ, пущенная раненымъ неприятельскимъ воиномъ, сидѣвшимъ подъ сосною. Однимъ взмахомъ приклада онъ раздробилъ черепъ коварному нѣмцу, но вскорѣ и самъ долженъ былъ опуститься у новаго трупа. Несвободно вращавшаяся правая рука и что то липкое и теплое, прссачивавшееся чрезъ вытертую шинель, ясно говорили о томъ, что пуля, выпущенная нѣсколько секундъ тому назадъ раненымъ нѣмецкимъ солдатомъ, а теперь бездыханнымъ трупомъ, попала въ цѣль,—верхняя часть груди Гущина была пробита навывлетъ...

Между тѣмъ только что произведенныя выстрѣлы породили тревогу; въ противоположномъ концѣ болота у темной опушки лѣса, вспыхнули мимолетные огоньки и чрезъ нѣсколько минутъ пронеслись, сухіе, отрывочные, винтовочные выстрѣлы и дѣловитая дробь пулемета; снова выглянули страшные глаза неприятельскаго прожектора и скрещиваясь съ отвѣтнымъ взглядомъ со стороны нашего расположенія, начали между собой нѣмую безшумную борьбу. Гдѣ то вдали ухнулъ пушечный выстрѣлъ, дале-

